

В ДЕТСКОМ ДОМЕ.

Рис. А. ДЕЙНЕКА.

ПРОЖЕКТОР

XX 9

XX 41
31

2 713

ПРОЖЕКТОР

№ 1 (95). 15 января 1927 года. № 1 (95).

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

ЦИТАДЕЛЬ ЛЕНИНИЗМА.

Фот. В. Савельева.

Новое здание института Ленина в Москве.

Ч Е М Н Е З А П А Д...

Рис. А. ДЕЙНЕКА.

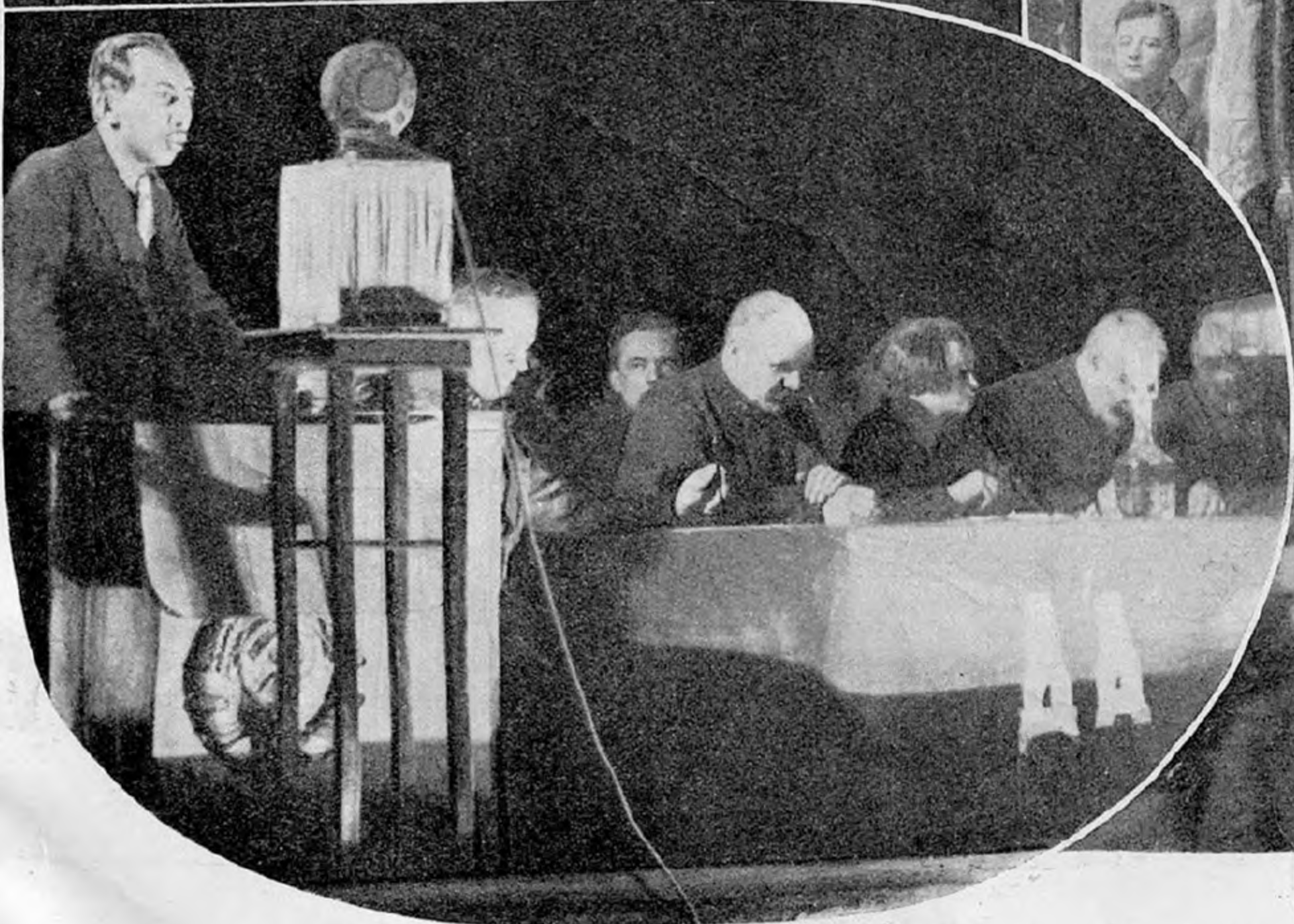
ПРОЖЕКТОР

В КИТАЕ. Войска народно-революционной армии в походе.

ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД АВИАХИМА.

Фот. П. Оцуа и
Н. Петерсона.

Происходивший недавно в Москве первый всесоюзный с'езд Авиакима подвел итоги работ этой важнейшей организации и наметил главные этапы ее дальнейшей работы. Авиаким—массовая организация, в полном смысле этого слова, он насчитывает два миллиона членов—исключительно трудящихся. В число его задач входит не только развитие советской авиационной и химической промышленности, но и распространение знаний по авиации и химии среди широких масс Республики. При чудовищном росте авиа-химической индустрии в капиталистических странах, нам, как это отмечалось в речах на с'езде, необходимо направить все силы для создания воздушной и химической обороны страны, чтобы не остаться беззащитными. Авиаким стремится к созданию мощного воздушного флота и наряду с этим усиливает и гражданскую авиацию и содействует индустриализации страны. Только содействие миллионов трудящихся может помочь Авиакиму выполнить его трудную и ответственную работу. На снимках—торжественное открытие с'езда в Большом театре. Наверху: слева—президиум с'езда, справа—выступление т. Рыкова.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА А. ДЕЙНЕКА.

А. 1927.

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ.

ПРОЖЕКТОР

ДУШИТЕЛИ СВОБОДЫ КИТАЙСКОГО НАРОДА.

Вновь прибывшие войска английских империалистов дефилируют по улицам Шанхая.

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ.

Фот. В. Преснякова и Ольшанского.

3-го апреля днем, в Петрограде разнеслась весть о том, что вечером с поездом Финляндской железной дороги должен приехать вождь революционной части Р. С.-Д. Р. П. тов. Н. Ленин.

Газет в этот день не было. Заводы не работали, но, тем не менее, радостная для всего революционного российского пролетариата весть проникла во все районы. Рабочие стали готовиться к грандиозной

встрече того, кто более десяти лет принужден был жить вдали от России, в тяжелой эмигрантской атмосфере, но чей голос громко звучал, несмотря на какие царские рогатки и вел за собой революционный пролетариат.

чало социальной революции в международном масштабе. Пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата.

Вся толпа массою пошла за мотором до дворца Кшесинской, где митинг продолжался. Врецах всех ораторов отмечалась надежда и уверенность в том, что тот вождь революционной социал-демократии,

Лозунги, брошенные им в рабочую массу, нашли свое яркое подтверждение в той революции, которая вернула его на родину.

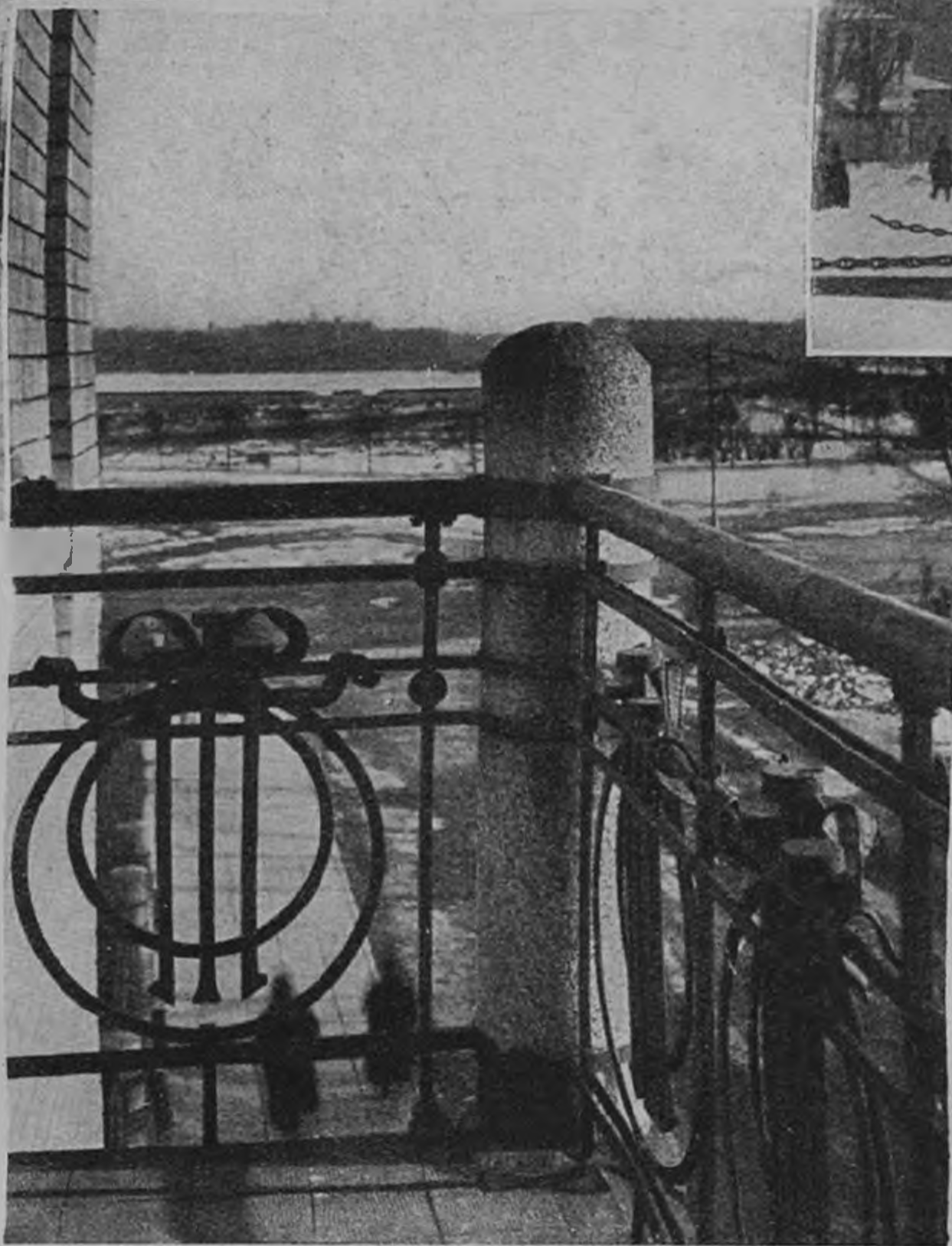
Встреча Ленина началась с Белоострова. Сестрорецкий район Р. С.-Д. Р. П. прибыл на специально заказанном поезде в Белоостров к 9 часам вечера. К приходу скорого поезда из Торнео дружный хор Марсельезы огласил платформу, запруженную рабочими и близкими друзьями Ильича. Красные знамена сдвинулись к вагону, где находились дорогие приезжие, Ленина подняли на руки и понесли в вокзал. Громовым криком были встречены его и тов. Зиновьева речи о значении русской революции для всего международного пролетариата. Но это было лишь начало. Настоящая встреча ждала Ленина в Питере.

В Петрограде на перроне по обеим сторонам были выстроены броневики, солдаты пулеметной роты Московского, Преображенского полков, матросы флотского экипажа с оркестром музыки и пр. При появлении тт. Ленина, Зиновьева и др., приехавших с ними эмигрантов, солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл Марсельезу.

Несколько кратких приветственных речей к матросам и солдатам были произнесены Лениным на перроне, после чего почетный караул провел его в бывшие царские покои. Туда собрались для встречи представители Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Петроградских районных и подрайонных организаций, приветствовавшие приезжих.

Вся площадь и улицы, прилегающие к вокзалу, были заполнены организованными рабочими различных районов Петрограда. Тут были десятки тысяч народу. Во главе рабочих организаций шла заводская и районная вооруженная рабочая милиция. Знамен было бесконечное число.

На улице, стоя на броневом автомобиле, т. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положить на-

который ни при каких мрачных условиях не сходил со своей революционной позиции, поведет теперь русский пролетариат смело и твердо по пути дальнейших завоеваний, вплоть до социальной революции.

(„Правда“ 5 апреля 1917 г.).

И, действительно, приезд Ленина следует считать основным моментом, положившим начало подготовке к Октябрьской революции. Эту подготовку неустанно проводил сам Ленин, вникая во все детали титанической работы партии и революционных масс.

Трудно сравнить непостижимую разнородность деятельности Ленина с деятельностью какого бы то ни было из крупнейших исторических деятелей былых величайших эпох. Она поистине несравнима.

И результатом ее явился Октябрь.

На фотографиях: справа—памятник Ленину на площади у Финляндского вокзала. На этой площади на броневике он впервые после Февральской революции выступил перед петроградским пролетариатом. На остальных снимках—дворец Кшесинской, где в первый период революции находился петроградский комитет большевиков. С балкона этого дворца Владимир Ильич выступал перед рабочими и солдатами.

ТОСКА ПО ИЗЯЩНОЙ ЖИЗНИ.

Рис. А. ДЕЙНЕКА.

Перед витриной.

ПРОЖЕКТОР

„АВРОРА“ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 г.

Из кинокартины „Октябрь“ работы Эйзенштейна.

К Л А Р А Ц Е Т К И Н.

Фот. В. Савельева.

(К 70-тилетию со дня рождения).

УСТАНОВЛЕННЫЙ ОТДЫХ.

Рис. А. ДЕЙНЕКА.

— Смотрите, как здорово работает команда вашего учреждения.
— Да здесь то она работает,—зато на службе отдыхает.

1927.

„для апробации сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимою, а для пробы могут ходить и летом с нуждою. И ежели позволено будет, то и еще сделать могу часы, которые ходить будут у коляски на задней оси, на которых будут показываться на кругу стрелою до тысячи верст, а на всякой версте будет бить колокольчик. А хотя прежде сделанная мною коляска находится и в действии, но токмо не так в скором ходу, и ежели еще повелено будет, то могу сделать той прежней уборнее и на ходу скорее и прочнее мастерством“.

Теперь к Шамшуренкову отнеслись с доверием, и в том же апреле сенат постановил: „Шамшуренкова призвать и спросить, во что оные сани и часы со всеми материалами станут, и что покажет — доложить правительствующему сенату“. Изобретатель ответил, что сани обойдутся в пятьдесят рублей, а часы в восемьдесят.

На этом кончается дошедшее до нас архивное дело о злоключениях талантливого мужика-изобретателя. Удалось ли ему построить самоходные сани с часовым счетчиком и усовершенствовать свою коляску, неизвестно, но не подлежит сомнению, что „самобеглая“ коляска его действительно ходила без лошадей, что у нее был сильный двигатель „под закрытием“, и что, таким образом, он изобрел автомобиль. Ни чертежей, ни описания двигателя в деле нет, — может быть что-нибудь еще обнаружится современным при розысках в архивных документах. Ясно одно: что русский неграмотный мужик в царствование Елизаветы Петровны построил первый автомобиль, источником энергии для которого не могли служить ни пар, ни электрическая сила. Его изобретение на добрую четверть века старше изобретения французского артиллериста Кюньо, пытавшегося — и неудачно — построить первую повозку, движущуюся паром. В чем, собственно, состоял принцип его изобретения, остается покамест неизвестным, как неизвестна его дальнейшая судьба.

Может быть, он так и сгнил в остроге, продолжая свою борьбу с разорителями народного достоинства? Может быть, изныл и погиб в не менее непосильной борьбе с отечественной косностью? Может быть, его изобретение, имевшее, несомненно, выдающееся принципиальное значение, не было достаточно разработано с практической стороны? Может быть, тогдашняя первобытная Россия, располагавшая неизмеримыми ресурсами лошадей и корма для них, просто еще не дозрела до замены лошадиной тяги машинной? Ведь почти целое столетие спустя выдающийся министр финансов Канкрин находил железнодорожное строительство в России преждевременным. Во всяком случае, начинание крестьянина Леонтия Шамшуренкова заглохло, и лишь чудом уцелевшее архивное дело спасло его имя от окончательного забвения и сохранило смутное воспоминание о первом автомобиле и его горемычном создателе. Его имя стоит почти в самом начале длинного мартиролога русских изобретателей, и судьба его была даже не слишком несчастной в сравнении с судьбою его немногочисленных предшественников. При Грозном смерд Никитка летал на какой-то машине вокруг Александровской слободы и за эту удачу был казнен, а аппарат его сожжен. Незадолго до Шамшуренкова какой-то рязанский подъячий поднялся на шаре, который надул „дымом поганым и вонючим, и нечистая сила подняла его выше березы“, а потом он еле спасся от смертной казни. У Шамшуренкова был свой час торжества, — когда его коляска побежала без лошадей, и сенат дал ему награду. Он, наверно, простил тогда гонительнице-судьбе свое пятнадцатилетнее заключение и свое „неимущество“.

История Леонтия Шамшуренкова — наш трудовой эпос, который тем прекраснее, что в нем нет ни одной выдуманной черточки, и каждое слово благородная правда.

ПРОЖЕКТОР

ВОПРЕКИ ТВЕРДОЛОБЫМ. АНГЛИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ В МОСКВЕ. Фот. Ф. Зубкова.

Эта—как будто бы безобидная поездка шести английских детей в СССР вызвала целую политическую бурю в парламенте „его величества“—короля Англии. Осажденные мракобесы не могли представить, что пионеры, вопреки их воле без паспортов поедут в ту большевистскую Россию, которая для них является корнем всех зол. Трудно более ярко показать тупость и панический страх „государственных мужей“ перед всем советским какими они обнаружили „перед всем миром“. Болдуин и Хикс боятся даже той правды о СССР, которую узнают английские дети. Поможет ли это им? На снимках—английские пионеры в Москве.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА А. ДЕЙНЕКА.

РАБОТНИЦЫ.

Сергей Петров.

ПОЛУСТАНОК.

На отдыхе моя страна,
Просты ее законы,
Давно ли буря у окна
Гоняла эшелоны,—

Давно ли эхом канонад
Гудела ночь угрюмо
И был заволнован каждый взгляд
Невысказанной думой...

Давно ль по золоту платформ
От края и до края
Метался человеческий шторм,
Вагоны заливая

И, задыхаясь, паровоз,
Голодный и усталый,

Ложился грузно под откос,
Разбрасывая шпалы.

Пусть и знаком глазам покой,
Но все же видеть странно,
Что в паутине голубой
Задумчив полустанок.

И на растерзанной спине,
Как память урагана,
Я вижу—в уходящем дне—
Сочатся кровью раны.

А он спокоен и уныл.
Исходят сном недели,
Неужто не хватило сил
В его суровом теле?

Уходят и приходят дни
По облачным ступеням,

Окон ленивые огни
Легли в мои колени.

Весенним пухом тишина
Осыпана на плечи.
Я слышу—полнится весна
Покосом человеческим.

Лишь на разливах сытых нив.
Будя воспоминанья,
Промчавшийся локомотив
Охватит дрожью зданье

И задремавший семафор,
Как аист длинноногий, —
Зеленоватый щуря взор,
Даст посезду дорогу.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА А. ДЕЙНЕКА.

КИТАЙЦЫ—УЛИЧНЫЕ ПРОДАВЦЫ.

ПРОЖЕКТОР

ВОССТАВШАЯ ВЕНА. Вооруженные рабочие у дворца юстиции.

РАБОЧАЯ ВЕНА В БОЮ.

КТО ОНИ?

Уездный городишка. Уютные домики с причудливыми ставнями, которые обязательно на ночь закрываются от воров. Под окнами палисадники с густыми, развесистыми ветлами. Тихие улочки, заросшие травой—иногда в темных промоинах, то ли вырытых свиньями, то ли пробитых дождями. Замощена только главная улица и две боковых—центр городка, где Совет, милиция, суд. Фабричка есть, но маленькая—шестьдесят рабочих. Ватное дело. Вот и все, если не говорить об общем покое городка, нарушаемом разве по воскресеньям, когда на базар съезжаются крестьяне. Жизнь располагает к сонливости и бездумью. Обыватели тушат свет в десять часов. После этого часа не спит только милиция.

И там вон не спят. В крохотном домике, который днем пунцовеет на солнце, как мак—цвет. А сейчас во мраке глядит одноглазое, крайним окном. Если заглянуть сквозь окно—стол, лампа молния, голова светящегося волос, спускающейся чуть не до стола.

Соседи и то говорят:

— Что-то у вас на ночь свет-то не гасит? Пожара кабы не было. В третьешнем году также вот у Кашинных на ночь не затушили...

— Никто у нас и не спит с огнем. Привычки такой нету!

— Да как же, милая вы моя. Вчера ночью встал по нужде—светится. Сегодня то же самое.

— Дак это Ваня должно.

— Комсомолист-то ваш?

— Готовится! И все то готовится, и все то готовится. Уж я говорю—глаза испортишь, побереги на старость. Не слушается. Мамаша, говорит, в Москву поеду. Экзамент сдавать.

— Не советовал бы я все-таки пускать. Вот что! Балуют больно ноне молодежь.

Калитка приоткрылась, показался парнишка лет восемнадцати—девятнадцати. Нос с чуть приподнятым концом, придающим лицу задорное выражение. Упрямые глаза и русая ветвь волос над ними.

— Вы все мамашу агитируете, Никифор Петрович. Делов что ль у вас больше нет. Удивляюсь я вам. Какое вам до меня дело? Ну, я учиться буду, какая вам-то от этого неприятность?

Кивнул матери головой и пошел.

— Ты куда,—ласково крикнула вслед мать, боясь, не разобиделся бы и на нее Ваня.

— К Андрею готовить-ся. Мы с ним вместе по-едем.

Гудок сегодня прогу-дел в последний раз. Завтра уж его не услышишь. Завтра забарабаният колеса. В Москву!

Васька Козодоев зашел напоследок в завком.

— Ученому! Дай пять! ты, сволочь, не загордись там.

— Брось дурить.

— А как в голове-то, винтик к винтику, а? Все в порядке? Не сдrefишь. Смотри не подкачай!

— Васька, ты сообщи вообще, что и как. Я может на тот год поеду. Чего требуют и в каком размере?

— Чего? Программа же есть.

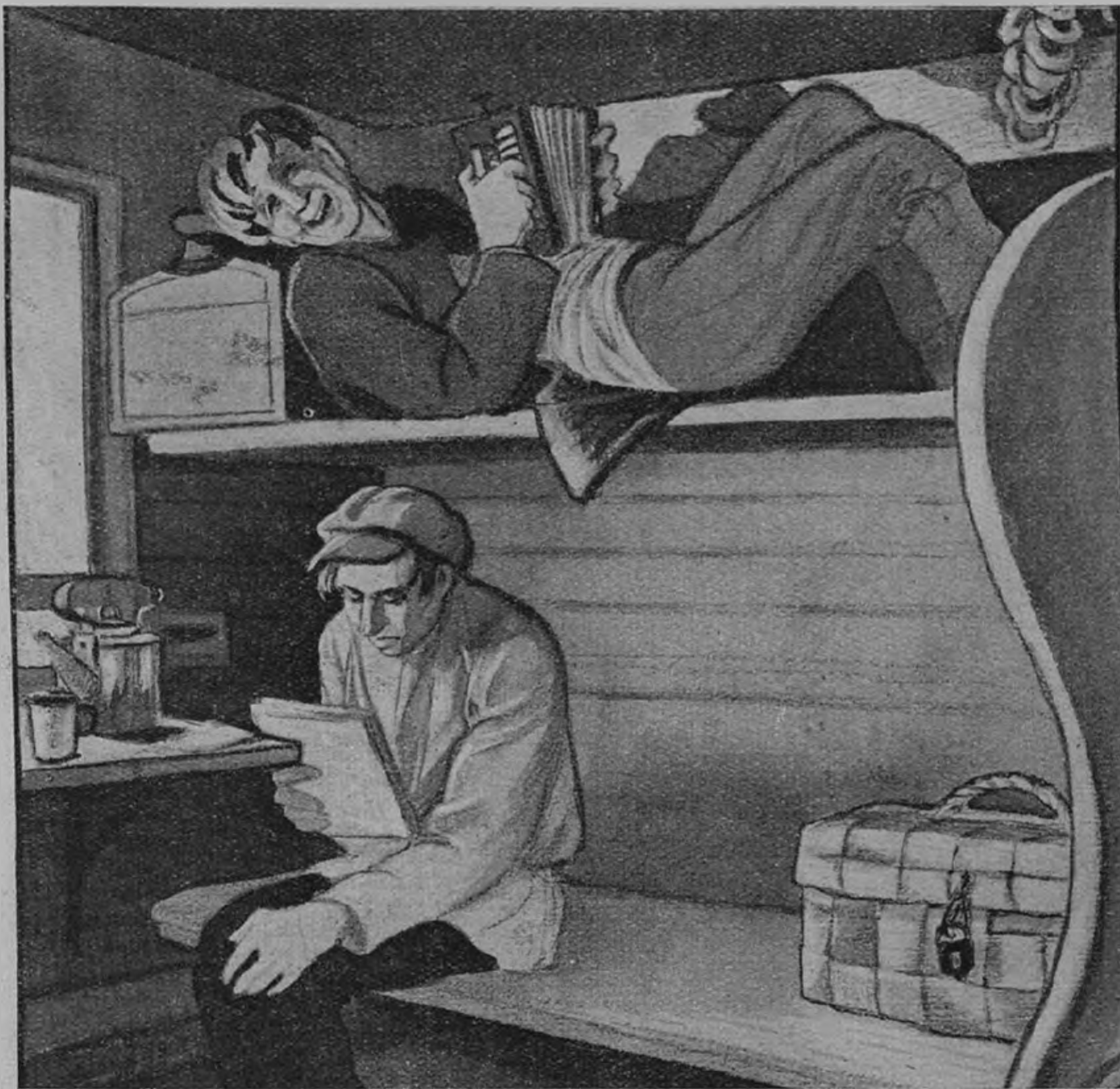
— Программа. А все-таки вообще.

— Ну, прощай, братва. Завтра уж того, далеко буду...

Васька хлопнул дверью. Легкой волной прошла тоска. Что там впереди—новые места, новые люди. Здесь каждый камень знаком. А там привыкать ко всему. Стало жаль завод, завком—обкуренную, полутемную комнату, где все свои. Пахнуло каким-то уютом, которого надо лишиться, все равно как выйти на холод из горячо натопленной избы.

„Ну и вернусь сюда. Чай инженером или техником могу попасть. Дверей не закроют“.

На этом успокоился.

К. Елисеев.

В вагоне.

Он был и секретарем волисполкома, и заведующим избой-читальней, и организатором драмкружка в своей деревне. Беспартийный. Сын местного крестьянина, Илья Краев.

Он набрал пяток парней из своей же деревни. Коллективно выписали учебники. Лето и зиму, используя каждый свободный час, они корпели над книгами. А что непонятно—Илья забирал книгу и тетрадь и шел в село Ласточкино, в пяти верстах—за разъяснением к учителю и хорошему человеку Михайлу Михайловичу. Иногда у него же заночевывал, если вопрос требовал длительного разрешения. Возвратившись затем домой, разъяснял всем глутерым трудное дело.

Осенью они все, сам-шесть, отправились в губернский город поступать в сельско-хозяйственный техникум.

Кто бы мог подумать, что этот тихий паренек, такой незаметный и роста-то даже невидного (впрочем, в отца) может оказаться таким удачливым. Странно бывает, стоит рядом человек, а его не видишь. Как будто он какого-то защитного цвета, под обои (если в комнате), под камень (наружи). Каждый день он проходит мимо, а будто и не проходил. Бывают такие люди. Зато потом на них сразу фиксируется внимание и человек, дотоле незаметный, неожиданно вырисовывается так выпукло, как новая земля перед исследователем.

Таков Николай Зубков, сын больничного сторожа. На днях главный врач заметил, что Антипыч разговаривает с пареньком. Видел он этого сухопарого подростка много раз и раньше, но как-то не обращал внимания.

— Сын что ли, Антипыч?

— Сынок, так точно. Студент! В этом году поступил.

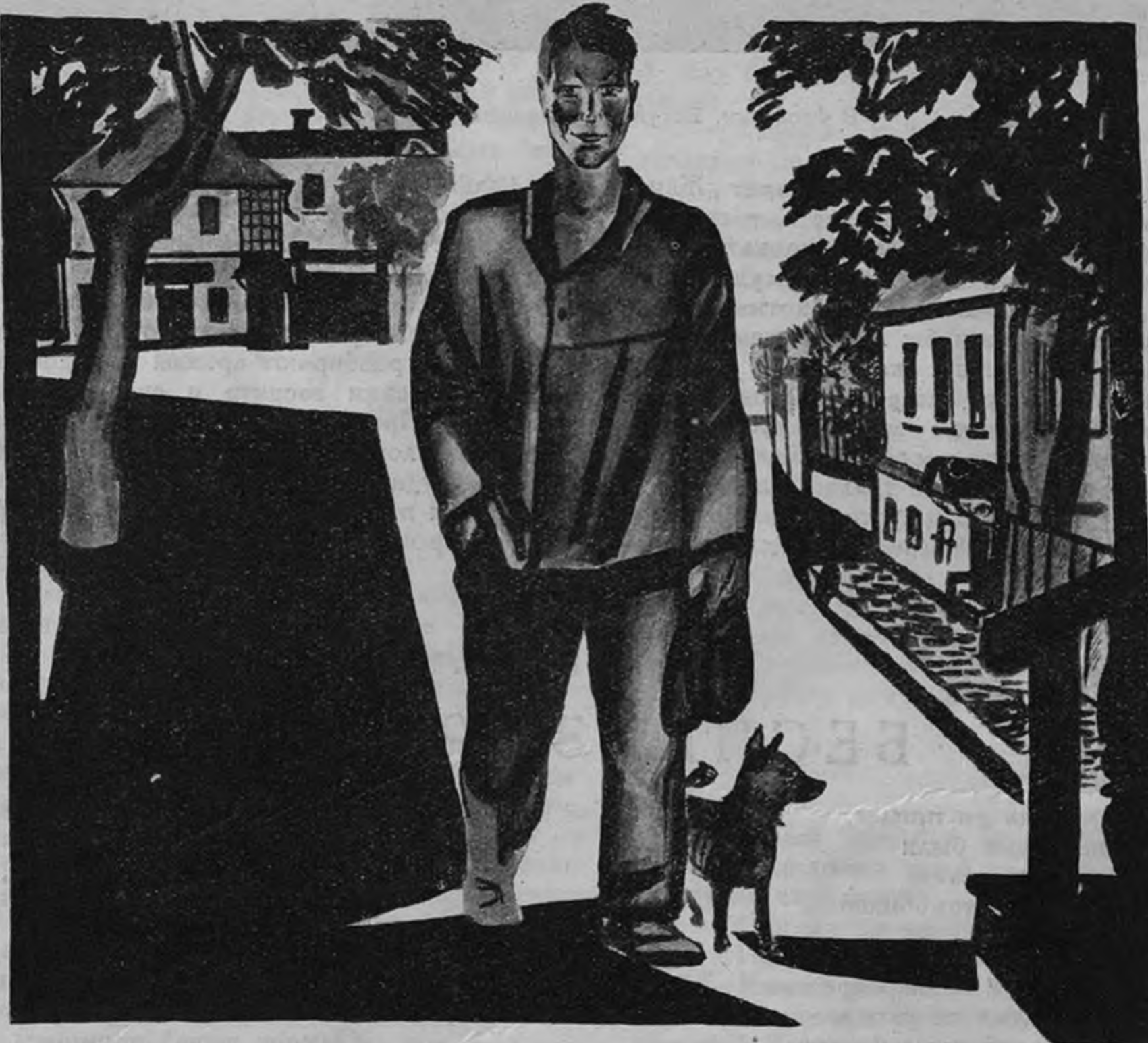
— Студент?!

— Студент! В инженерном. (Нотки отцовской гордости).

А старик-врач глядел полными глазами на вдруг открывшегося заново человека и не мог оторваться.

Горшок варит здорово,—похлопывал Антипыч сына по плечу.

Принято в Московские Вузы—4.800 студентов (заявлений было подано 18.390). В техникумы РСФСР—около 22.000. На рабфаки (по РСФСР)—8.000 человек. Выше мы писали о тех, кто принят.

А. Дейнека.

Рабфаковец.

ХУДОЖНИКИ—ОКТЯБРЮ.

— Нельзя думать, что элеватор можно построить в три дня. По газетам иной раз так выходит— три дня и готово. А это серьезная история! Минимум три года...

И возвращаясь к нефти:

— Если установятся выгодные для нас цены на мировом рынке! В убыток торговать не будем! Для своих нужд сойдет.

В порту шныряют шлюпки, переваливаются, как тучные утки, шаланды и переползают с места на место, высоко задрав хребты, пловучие краны. Их задача— воздвигать валы волнореза, который ограждает тихие воды порта от штормов и бурь. За годы войны и революции свирепое море порядком потрепало волнорез. Приходится воздвигать его чуть не заново. Краны медленно пододвигаются к берегу, осторожно берут огромные пятисотпудовые плиты (делаются плиты здесь же в порту, на бетонном заводе) и бережно переносят на баржу. Другой кран тоже осторожно, как слон ребенка, громоздит плиты на волнорез.

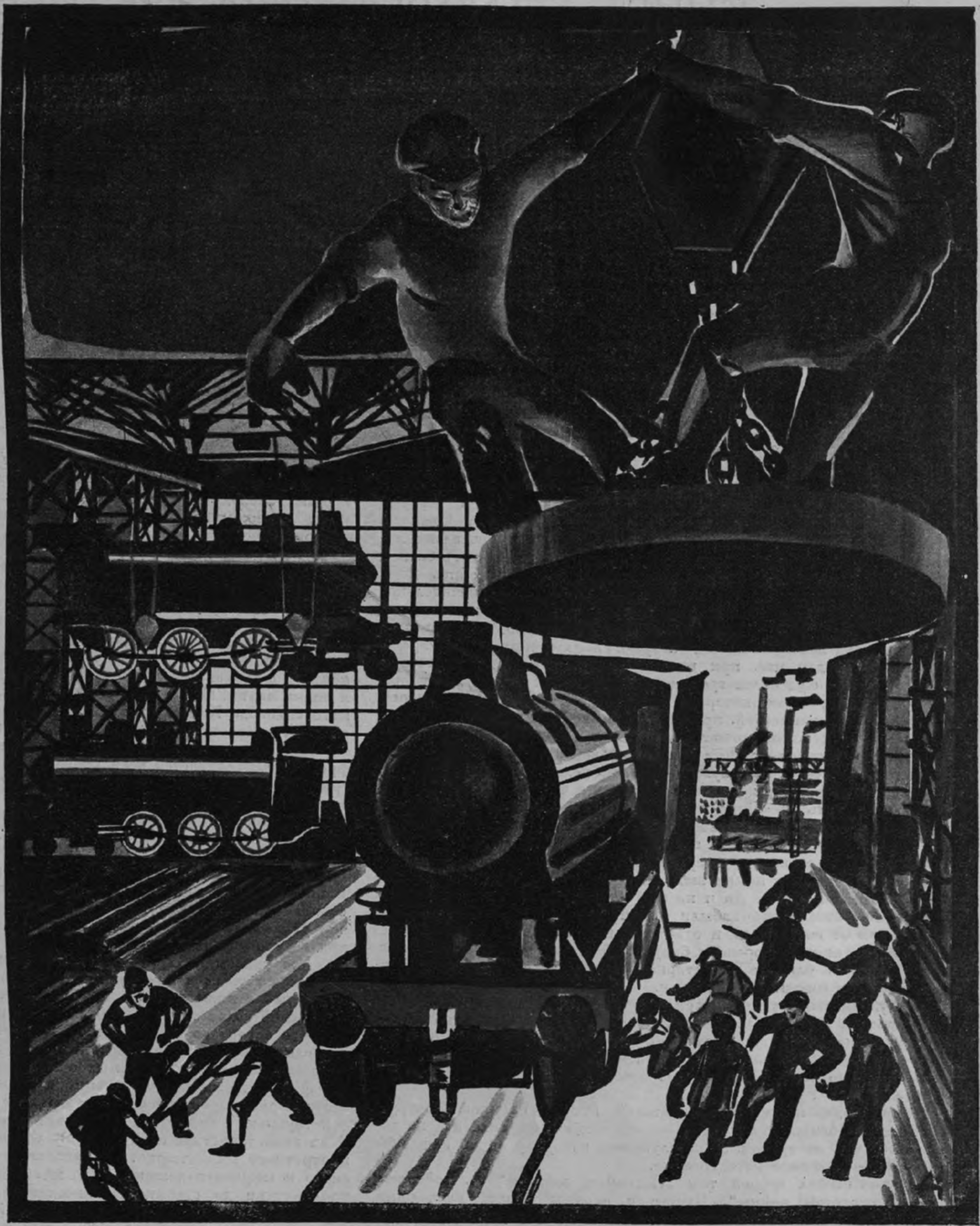
Порт живет полной строительной жизнью, несмотря на палящее солнце. Портовые рабочие, блестя бронзовыми телами, как будто не замечают солнца, они вскапывают грунт у берега, крепят цепи кранов, расставляют каменные мосты в воде, намечая новую линию берега, возятся у труб и измахивают веслами шлюпок. Большинство рабочих с Черноморского побережья—из Одессы, Севастополя, Батума, из самого Туапсе. Попадают сюда водники с других берегов. Один даже прибыл сюда из Архангельска.

Солнце дошло до зенита и стало быстро падать в море, за старым портом. Скоро вечер или, вернее, ночь (они здесь не разграничиваются). Придет живительная прохлада. По главной артерии городка вечером заплывет густым потоком народ, заполняя шашлычные, прохладительные и игорные заведения (лото, домино), забубнит восточная музыка в перемешку с гармошкой, шашлычные пряно ударят в нос луком, лимоном и барашком.

Городок растет не по дням, а по часам—новыми постройками, улицами, людской массой. Есть несколько рабочих клубов, кино, городской сад, театр. В порту и на работах Грознефти кормятся несколько тысяч человек. По вечерам в общей толпе гуляющих мешаются портовые рабочие, горожане и курортники, ожидающие пароходов или поездов.

Неожиданная сирена остро прорезывает густой ночной воздух, покрывая шум главной улицы и теряясь в прилегающих к городу горах. Прибыл пароход из Батума или Новороссийска. Порт продолжает свою неугомонную работу.

Новое утро. Новое солнце. Оно появляется как-то сразу, окрасив воду радужной цветов. И не успело оно появиться, как опять засуетились люди, как будто они только и ждали распоряжения проснуться и продолжать двигаться. К базару со всех улиц забушевали сотни ног, торопясь удовлетворить первые позывы желудка. Базар здесь своего рода полувожосточный, полуюропейский „Мюр и Мерилиз“.

А. ДЕЙНЕКА.

На заводе.

Кто спешит встать в очередь за сахаром, кто за керосином (эти продукты—редкие здесь гости), кто за другой с'едобной нуждой. Лавченки успели уже открыться и зазывно закликают покупателей торговцы фруктами и овощами, расхваливая товары. Распахиваются двери шашлычных, тучные, черноволосые люди с повадкой жрецов восседают за стойками, нагоняя своим видом аппетит даже на больных желудки. Оглушительно, как комполка на параде, возглашает темнокожий парнишка лет восемнадцати события и новости дня.

— Читай воззвания Мопра! Читай призыв девятьсот пятый год! Читай пожар Майкопе! Получены утрешни газеты! Только получены Московски, Ростовски газет. (Заметим в скобках, что события эти не первой свежести, т. к. газеты сюда поступают на второй, на третий день, а своей газеты Туапсе пока не имеет, но уже потребность в ней назревает!). Туапсинский район бурлит жизнью и строительной лихорадкой.

У газетчика такой зычный голос, что его слышит весь обширный базар, и события, доведенные до общего слуха таким оглушительным способом, невольно заинтриговывают даже апатичных людей, растопленных солнцем.

ПРОЖЕКТОР

Библиотека
имени
В. И. Ленина

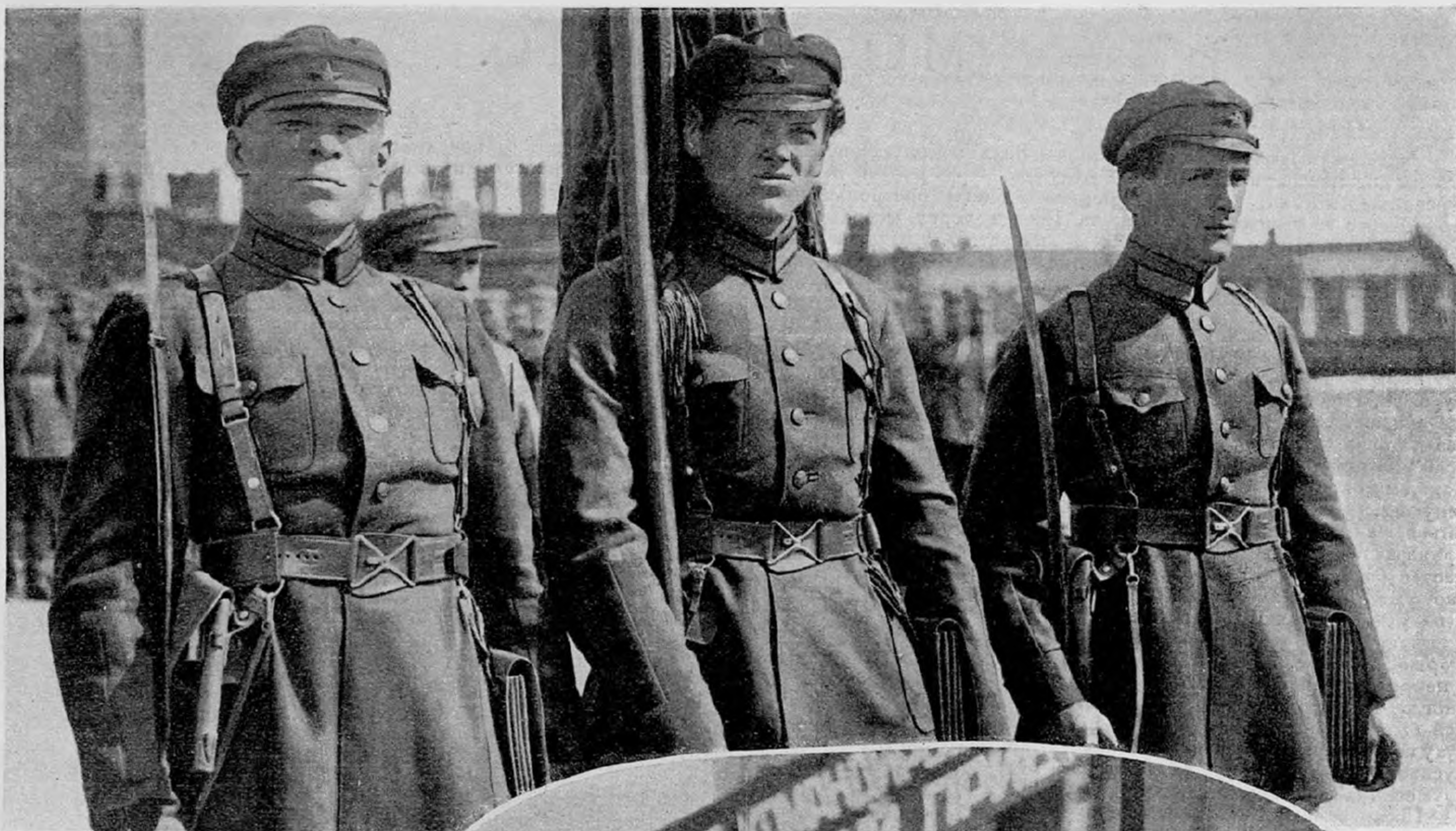
Осень.

Рис. А. БРЕЯ.

№ 17 (111) 15 сентября 1927 г. № 17 (111)

НОВЫЕ КРАСКОМЫ.

Фот. А. Самсонова.

В конце августа в Кремле состоялся торжественный выпуск командиров, окончивших московские военные курсы. Этот выпуск дал Красной армии—новый отряд квалифицированных и политически-стойких командиров, большинство которых уже прошли огонь гражданской войны. Краскомов приветствовали члены правительства и Реввоенсовета, а также представители рабочих, среди которых командиры

проводили военную работу. На снимках—парад красных командиров и члены правительства СССР на параде.

ЧИТАЙТЕ „ПРОЖЕКТОР“

с января 1928 г.

„ПРОЖЕКТОР“

будет выходить

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

в прежнем объеме —
32 стр.

Художественная мно-
гокрасочная печать.

Новые отделы.

Обеспечен аккуратный
выход в свет.

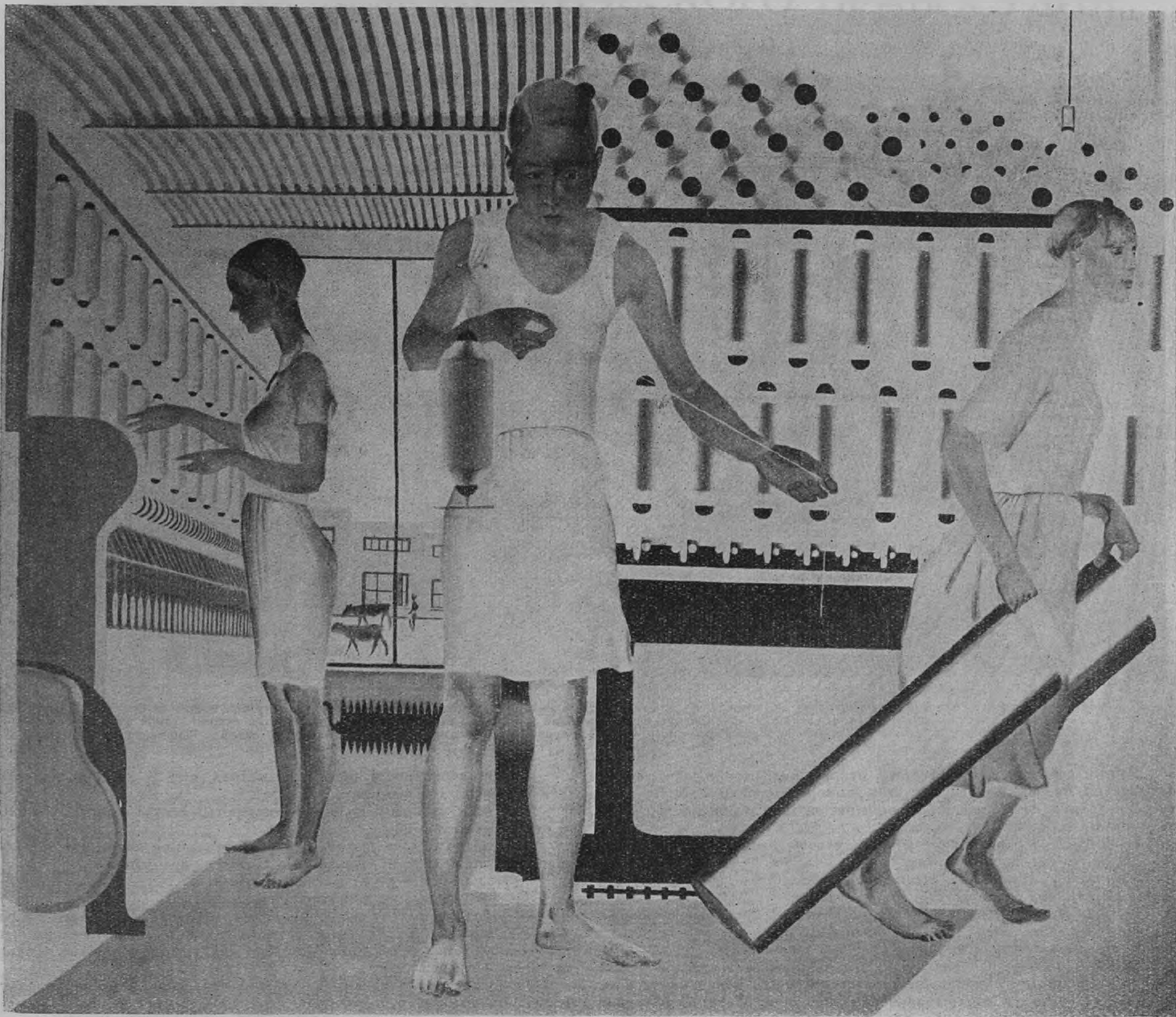
52 номера
в год.

Рис. А. ДЕИНЕКА.

Лучший иллюстрированный еженедельник СССР.

ИСКУССТВО НАШИХ ДНЕЙ

А. ДЕЙНЕКА.

Текстильщицы.

— Разорит!.. Весь хлеб побьет... Нищими будем.

Туча была высокая в кудлатой белой, как перед градом, шапке; персечкивали ее, подергивая частыми судорогами, изломчатые змейки кривых молний. И не успело Чердынцевское семейство укрыться в просторный белоколонный дом, как застегал, срезая ледяными орехами кленовые листья, крупный град.

Рывком дернулся с места, понесся куда-то белоколонный дом, зазвенели с дребезгом стекла и Кунин проснулся.

Бронепоезд резко уменьшил ход и стал, выпустив шипучее облако пара. Где-то с сухим треском шелкали тяжелые градины—стреляли.

Выглянув в окно, Кунин увидел, что поезд стоит среди совершенно открытого поля. Близился рассвет, холодная полоска зари слабо кровавилась над дальними холмами. Луна высоко подняла чуть ущербленную уже свою лысину и заливала несжатые нивы таким всепроницающим, звенящим светом, что деревья над хрусталью безвестной речушки сквозили темным кружевом.

Полтев стоял перед паровозом, держа в опущенной руке блестящий наган, казавшийся в лунном, прозрачном свете прозрачным и легким, и смотрел, как два юнкера обыскивают рыженького невысокого человека, понуро сутулившего узкие плечи. Рядом стоял другой, тоже приземистый с широко раздавшимися плечами; один из юнкеров держал его шапку, и каштановая длинная прядка, свисая, должно быть мешала ему—он, то и дело вскидывая голову, поправлял волосы рукой.

Сутулый что-то говорил негромко, слов различить было невозможно, и Кунин вышел из вагона.

— Видали товарищей? Хороши красавцы,—по-комариному пропихивал на его вопросительный взгляд Майер.—Хотели мост взорвать.. господ коммунисты.

— Вешать их мерзавцев надо,—хмуро пробурчал Мильский и шевельнул щетинистыми, как усы, бровями.

Я сдался заметил—человек ползет,—торопливо, будто радуясь, рассказывал машинист сапер.—При луне-то, вон как видать. Ну, я, значит, за тормоз, а он хоронится в кусты. Тут, значит, я и подумал, что дело неладное. Что же ты скажешь—так и есть: шашку подложил.

— А зачем же шашку?—бестолково любопытствовал Кунин.

— Для подрыва, пироксилиновую,—охотно пояснил сапер,—не примешь, так бы на полном ходу и слетели.

— Господа юнкера! Задремали? Что там у него?—не разжимая губ, но очень отчетливо спросил Полтев, и юнкера засуетились, выворачивая распоротую мерлушковую шапку пленника.

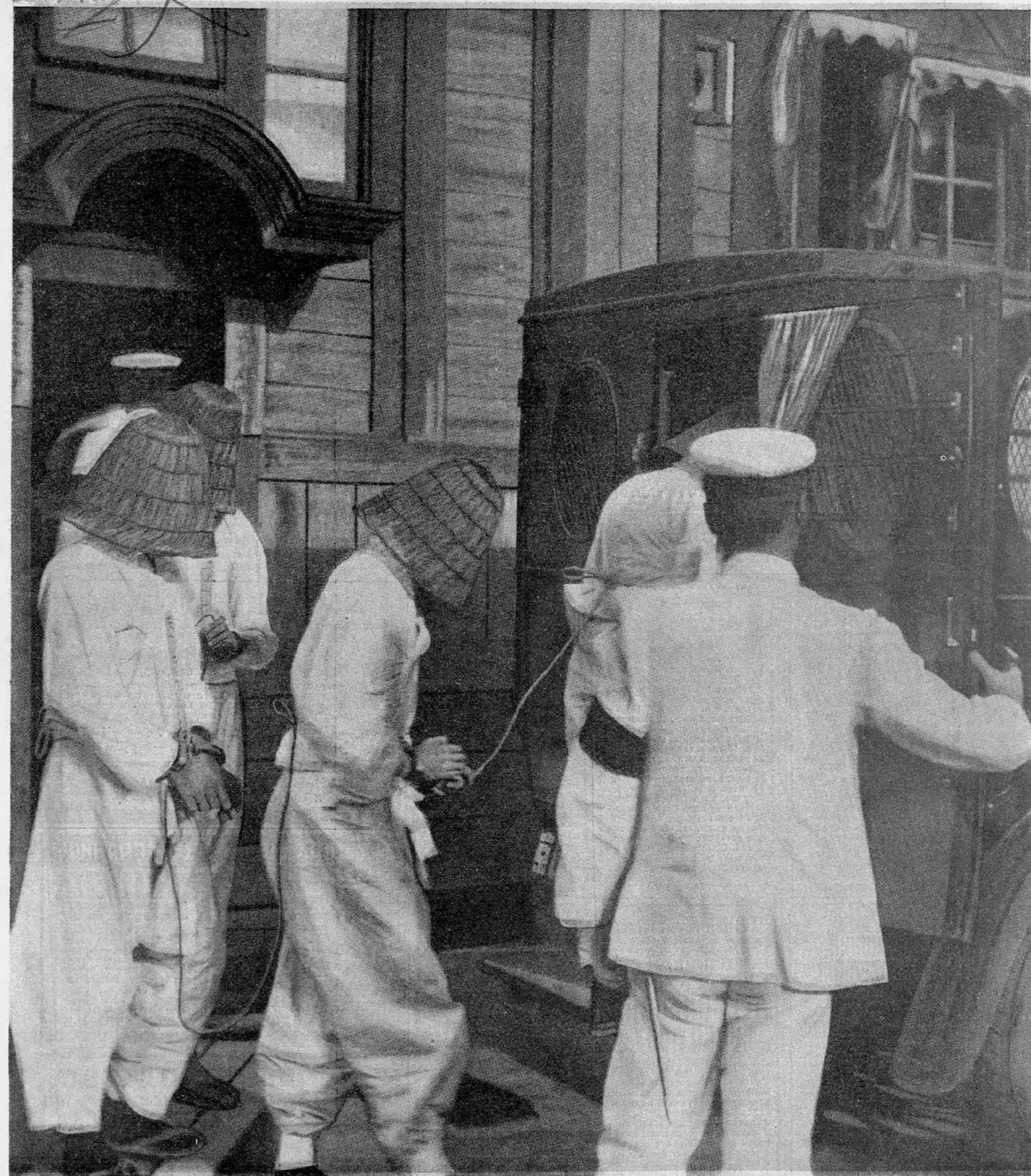
— Ничего нет,—с сожалением проговорил, наконец, тот, что казался моложе.

— Чего еще искать? Повесить и кончено,—снова негромко проворчал Мильский.

Не разжимая губ и все держа в руке револьвер, Полтев искоса взглянул на него и в два крупных шага подошел к рыженькому. Рыжий посмотрел на прозрачную под лунной сталью револьвера, и у него чуточку дрогнула челюсть. Плечистый опять вскинул голову—поправил непокорную прядку и, расстегнув ворот, будто стеснило ему грудь, быстро провел по ней ладонью. Под курчавым светлым волосом на груди показался синеватый узор татуировки: сердце, продетое кольцом, на котором висит замок. Если бы еще было у Полтева сомнение, этот узор сразу сказал бы ему, что перед ним стоит Антон Беляк.

И по веселому взгляду, который кинул пленный на прихрамывающую ногу капитана, тот понял, что Беляк узнал его.

ПРОЖЕКТОР

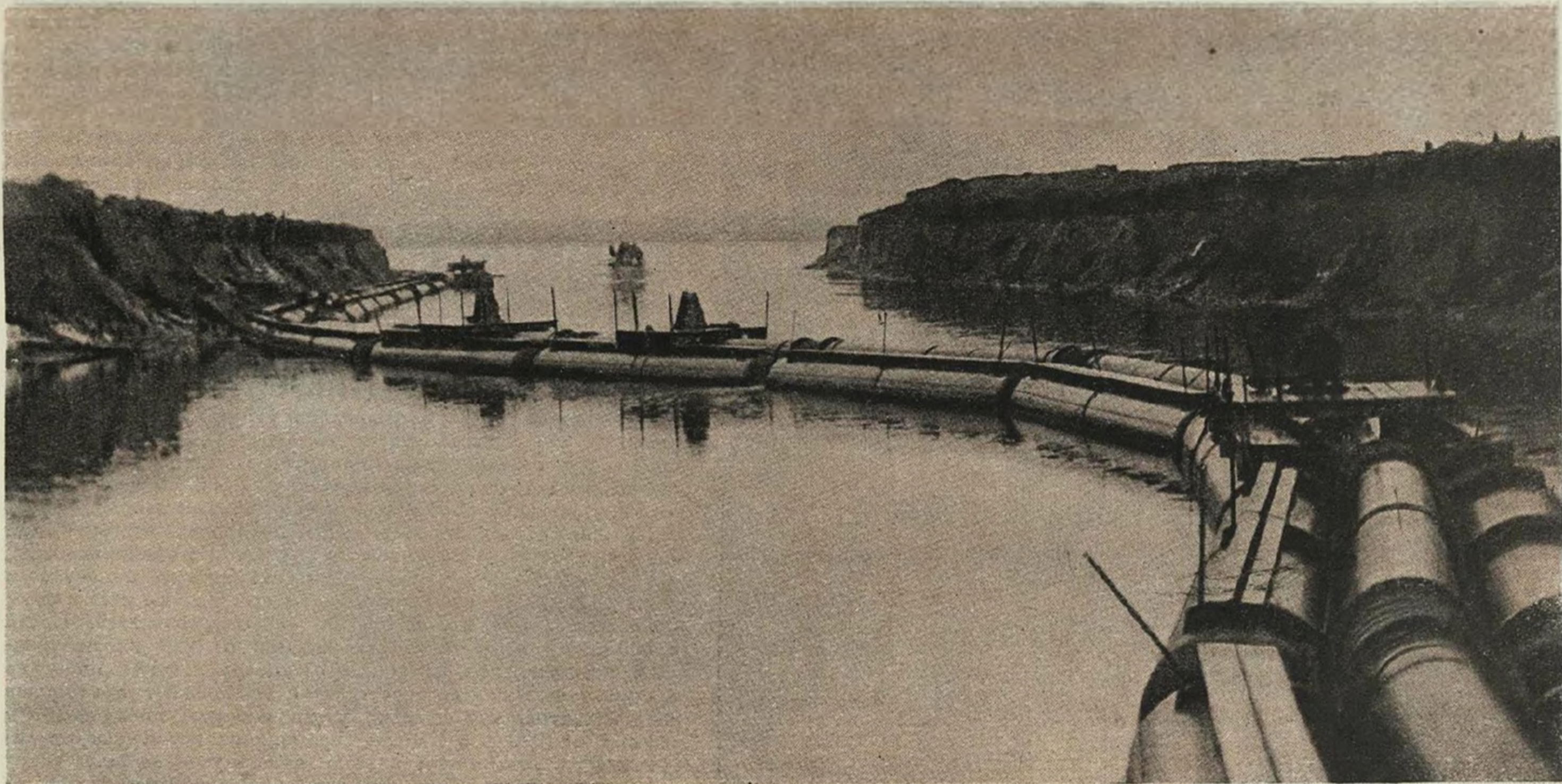

КОРЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОД СУДОМ.

Мы празднуем десятилетнюю годовщину Октябрьской революции — годовщину освобождения от капиталистического ига — а в странах империализма идет еще борьба за освобождение. Тысячи революционеров томятся в тюрьмах, в ссылке, многие ждут своей участи, находясь под судом. На нашем снимке — корейские революционеры, дело которых слушается в Сеуле (см. страницы 6 и 7); их выводят из здания суда с корзинками на головах, чтобы они не могли никого видеть и ни с кем связаться.

ЭЛЕКТРИФИЦИРУЕМ СТРАНУ СОВЕТОВ.

Фот.
Н. Петерсона.

СССР электрифицируется. Уже сейчас мощность выстроенных после революции электростанций на много превышает силу станций царской России. Но беспрерывно строятся новые гигантские станции. Уже заложен Днепрострой, уже работает Загэс и Абашская гидростанция и на-днях только во время юбилейной сессии ЦИК'а в Ленинграде, торжественно отпразднована закладка Свирьстроя. Свирская гидроэлектрическая станция, мощностью в 120 тысяч лошадиных сил будет снабжать Ленинград и его предприятия электрической энергией. Эта постройка, производящаяся в одном из самых глухих крестьянских районов, поможет, кроме того, механизации сельского хозяйства, поможет скорейшему кооперированию сельского хозяйства.

На снимках—река Свирь в том месте, где будет строиться станция. На воде видны землесосы, углубляющие русло реки.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА А. ДЕЙНЕКА.

НА КАТКЕ.

В 1928
ГОДУ

„ПРОЖЕКТОР“

БУДЕТ
ВЫХОДИТЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО—52 НОМЕРА В ГОД

В ПРЕЖНЕМ ОБЪЕМЕ 32 СТРАНИЦЫ.

Цена отдельного
номера

СНИЖЕНА с 35 коп. до 30 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес.—1 руб.; 3 мес.—2 р. 90 к.; 6 мес.—5 р. 70 к.; 12 мес.—11 руб.
ЗА ГРАНИЦУ: 1 месяц — 75 центов.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: в Главную Контору Издательства „Правда“ и „Беднота“, Москва, центр, М. Черкасский пер.,
3/4, в отделения „Правды“, в почтово-телеграфные конторы и письмоносцам.

ПРОЖЕКТОР

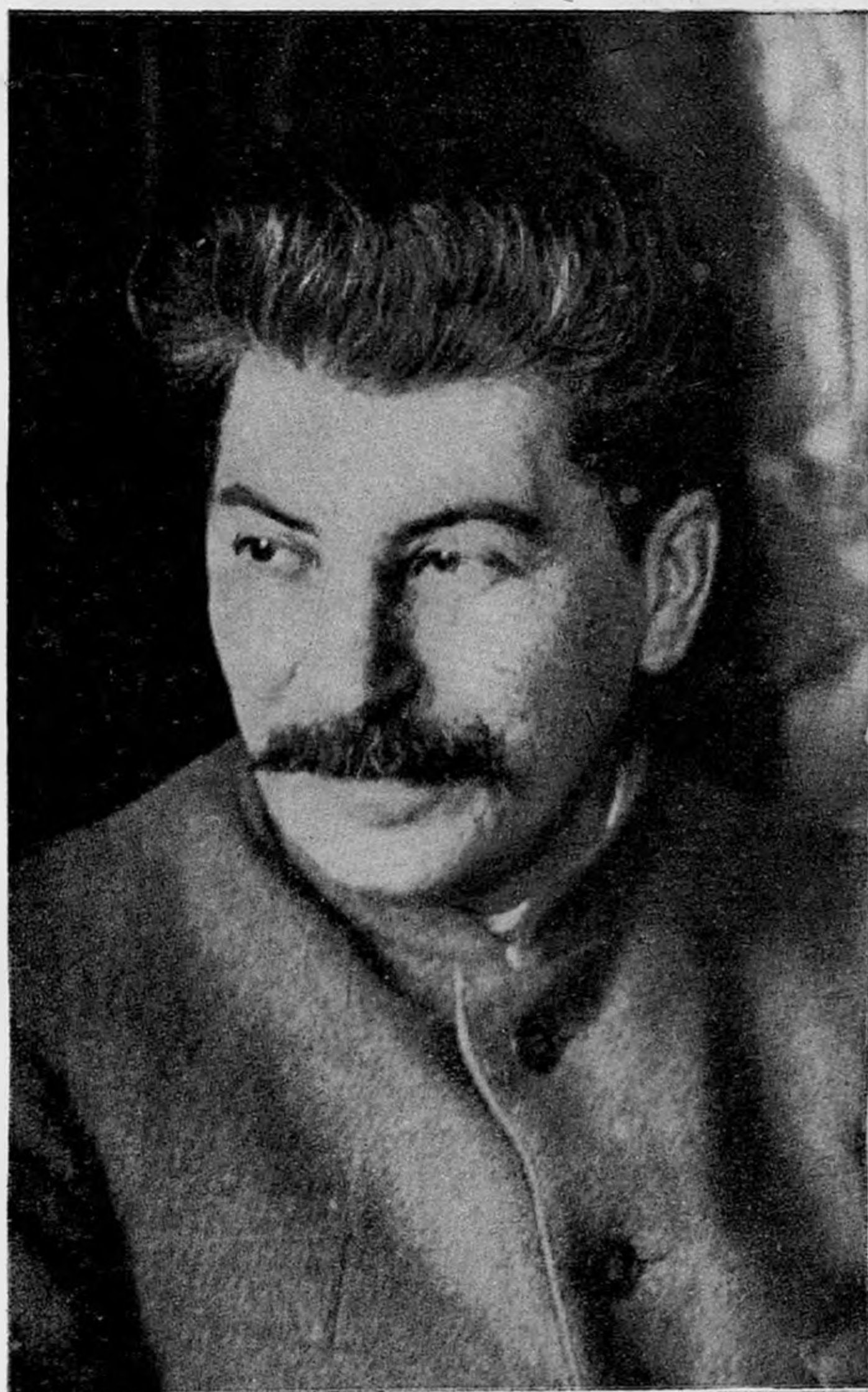
ПЯТНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД ВКП(б).
Политический отчет ЦК. Докладчик — т. И. Сталин.

Фот. А. Самсонова.

№ 23 (117) 15 декабря 1927 года. № 23 (117).

ПЯТНАДЦАТЫЙ С'ЕЗД ВКП (б).

Фот. А. Самсопова.

На днях закончил свои работы пятнадцатый с'езд ВКП (б). В порядке дня стояли следующие вопросы: отчет ЦК (т. И. Сталин и С. Косиор), отчет ЦКК (т. С. Орджоникидзе), отчет делегации ВКП (б) в Коминтерне (т. Н. Бухарин), о пятилетнем плане развития промышленности (т.т. Рыков и Кржижановский) и о политике партии в деревне (т. Молотов). Еще и еще раз с'езд показал, насколько сплочены ряды Ленинской партии, насколько велико ее единство. В борьбе, которая предстоит единственной стране пролетарской диктатуры, есть и будет еще немало трудностей, немало тяжелых потрясений. Твердое, единое руководство авангарда пролетариата— коммунистической партии, уверенно ведущей рабочий класс к победе—залог того, что эти трудности будут преодолены.

Наверху—т. И. Сталин, справа—т. Кубяк (стоит крайний слева) и т. Орджоникидзе среди делегатов с'езда; ниже—т. Калинин среди делегатов; внизу: слева—т. Ворошилов с делегатами уральцами; справа—т.т. Берзин и Чичерин.